

Pro memoria

АЛЕКСАНДР ЛЫСОВ (1947–2009)

АЛЕКСАНДР ЛЫСОВ. [СТУПЕНИ]

*Подготовка текста, публикация и предисловие
Валентины Брио*

Поэтом Александр Лысов был всегда и во всем, не только в стихах, – и в жизни: в поступках, в работе, в науке, в любом деле, хоть самом обыденно-обыкновенном, «маленьком». Как-то само так получалось. Ему было доступно нечто из сущностного в каждой вещи, ситуации, событии. Да и видел он – как поэт. Думается, для всех, знавших его, это очевидно, а читателю это видится в его стихах. К своим стихотворениям он порою давал устные комментарии. Отчасти это отражено в поэтических книгах: в виде эпиграфов, сносок-примечаний, пояснений значения слов. Наверное, это свойство поэзии XX века, – уж очень в этом веке нелегко «поэту жилось»: на кого история обрушивала тяжкий груз, на кого – судьба. От поэта требовалось мужество. Александр Лысов был мужественным человеком, а дар его – щедрым. Все, что он писал, было талантливо.

В какой-то степени я была свидетелем того, как складывались его поэтические книги. Стихи приходили по электронной почте (которая на глазах становится литературным жанром), и можно было написать в ответ о впечатлении, которое они произвели, задать вопрос, поразмышлять. И вот когда-то, читая описание семейного отдыха у озера, я поняла, что читаю хорошую лири-

ческую прозу. С большим энтузиазмом стала советовать автору: сохранить! сохранять такие фрагменты, сложить их в книгу, может быть, вместе со стихами. – Он откликнулся: написал «дополнение» (так его назвал) к «марсианским хроникам». Стал всерьез задумываться и рассуждать о книге прозы, делиться размышлениями: «... для нее [прозы] что-то нужно большее, чем способность воссоздавать. Нужна свобода – возможность длительного пребывания в иллюзорной реальности по условиям и сцеплениям бытия, которые сам сотворил. В стихе – это короче. Его можно в импульсах свободы, пароксизмами воли творить». И еще: «Может быть, ... такие минуты надо собирать, ими восходить в новое жизнеосознание, и с ними отходить от событийной канвы жизни в чисто духовный мир. Мне уже как-то и не важно, сложится ли книга, да и кому она нужна. Я просто знаю, что это какие-то мои ступени, открывающие путь высвобождения души».

Пусть его слова на этих страницах, за которыми мы, его друзья и коллеги, слышим голос поэта, будут данью светлой памяти Александра Лысова.

*«Там незабудками звезды горят,
И светел твой Млечный луг».*

* * *

... еще эта поездка запомнится тем, что мы видели МАРС. Таким близким земле он был, как я слышал, 56 тысяч лет тому назад. И то его созерцали питекантропы. Если и они видели, – может, тогда земля куталась в облака, кто знает. Но картина величественная. Марс затмил все – красноватый в игольчатых лучах, едва возвышающийся над кромкой леса по горизонту. Он был настолько ярок, что, в отличие от других звезд, не отражался в озере, а оставлял светлую, как меч, полосу. Древнегреческий Арес. В моих чувствах он затмил и Венеру – та, привычно отраженная, качалась на ночной волне. И еще был звездопад, и летел какой-то жалкий спутник. Но, едва окончательно стемнело, звезды стали такими яркими, и Млечный путь загустел в световую реку, а Марс полыхал среди всего так, что терялось чувство реальности. Все начинало казаться или особым игрушечным миром, волшебным шатром, или иллюзией. Мнилось, что на двух коротеньких отлучениях от Марса висят его спутники – Фобос и Деймос и стремят в черную бездну свой свет. Мы с сыном в первую ночь перебрали в памяти все, что знали о Марсе и марсианах. И все подходило и оправдывало его имя и образ.

Но при всей красоте в этом зрелище было и что-то тревожное. Виделось во всем какое-то знамение, неутешные знаки небес. Марс не приближается к земле без очередных трагедий и потрясений планетарного масштаба. Не горит просто так, в «прекрасной ясности». А вестит нелегкие времена.

На следующий вечер мы заранее забеспокоились. Небо было в тучах, и с «марсианской» стороны не хотело проясняться. Проступила в сумерках и упала в озеро глупая эта Венера. А Марса все не было. Уже и полная тьма пришла, а он все таился за «летучей грядой». И вдруг дерзко и неожиданно пробился сквозь заслоны и явился опять во всей красе, только спрятал из-за дымки меч в своем отражении и виделся на воде спелым, как вишня, красноватым огоньком. И опять чудо повторилось, и опять нас ждала бессонная ночь. Так мы встретили август. Велики, Господи, дивеса твои.

Был обычный ветреный денек с низким облачным небом с секундными проблесками солнца и наплывами коротких гроз. Все, конечно, в поездке на озеро шло по заведенному ритуалу – грибной супчик, шашлык, чай и пиво, даже коньячку чуть, пошпинки обычной в разговорах. Но все ладилось как-то – и грибы собирались, и ягоды, рыбешка какая-никакая клевала, и хворост для огня был под рукой, – всего понемногу, чем всегда и всех награждает природа, если от нее не требуют невозможного или противного ей. Но сердце томилось и ждало новой вечерней встречи с опасно приблизившимся к земле ее сиятельным соседом – Марсом.

Ночь выдалась на редкость лунной. Очарованный спутник земной казал себя, на сей раз во всей полноте. И всходил как раз там, где Марсу и надобно было быть. Из-за лунного свечения – все звезды казались тусклыми: Венера едва проклюнулась бирюзовой точкой в лунном мареве, и мы отчаялись уви-

дети нашего прибывшего к Земле воинственного гостя. И озеро, и небо на горизонте были белым-белехоньки, как в минуту перед рассветом.

Но Марс, как всегда, был «с маневрами». Выждал, когда луна отсверкает в первую силу и сместится в сторону, а после выскользнул из-за зубчатой ограды лесов и затлеел рубиновым угольком. Будто отпал из Мирового костра, словно выбрал и зажег верхушку на какой-то новогодней елке. И хоть всходил он низкой звездой, все же казалось, что яркости его света вполне хватает, чтобы посостязаться с лунной. Как и привычно теперь, он выстелил розоватую дорожку и вытянул алые иглы в перекрест лунным лучам. И случилось диво, луна свернула свой световой рукав и рассыпалась в ртутные капли, заиграв мелкой искрой на волнах, а меч воителя полновластно рассек забуренным полотном темнеющие воды.

Мы с сыном пошли купаться и отплыли от берега изрядно. Я был на надувном плотике-ковчеге и благодаря ему держался на ночной воде. С озера небо открылось во всем своем диковинном узоре, и левее Венеры вынырнул из-за холма бессменный Медведицын ковшик. Так и стояли они друг против друга – Возок смерти, Светило грез и иллюзий, Звезда любви и воинственный Марс. А в центре креста полыхал на полуострове яркий огонь, зажженный нами. Да темнел лес, где в каждой ветке запуталось по звезде.

Это было все – все, в чем и из чего мы живем, и на это можно было посмотреть со стороны и в более высоком измерении расценить свое бытие, понять его как космическое распятие или крестное знамение наших путей. И можно взглянуться еще дальше – туда,

где венчает свод наш Млечный Путь и Полярная звезда, куда уходят язычки пламени и гаснущие искры нашей вселенной. А потом все было просто, потушили костер, взобрались на холм и еще раз с высоты увидели отразившую небо высокую воду, с пробивающейся в тростниках волшебной лунной искрой.

И ничего, казалось, не произошло, рассказ так и остался без сюжета, и памяти не за что было ухватиться в этом бессобытийном явлении, но душе открылась какая-то неведомая весть, и не глазами ее надо было читать.

И только потом, на обратном пути, я вспомнил, что этот августовский вечер завершал день рождения отца, и как-то хорошо, торжественно и тревожно стало мне от этого. Будто действительно состоялась какая-то очень важная встреча, и природа в очередной раз протянула мне в руки узелок светлой тайны. Словно в детстве, заглянул в колодец, а подошедший отец обнял тебя, и вместе мы отразились – там – в жутковатой глубине. Спасибо, Отец.

Вот и все. И тем значительнее было прочитанное дома в календаре: что все это было на Марьев день, что по ночам в нем «рождается в травах и остается могучая тайна». Так что же зарождается и остается в нас?

Конечно, вспомнилось мне, что был это и день ухода в Вечность Леонида Леонова. И уже не казалось странным, что небо, которое было хмурим с утра и грозным почти до вечера, к ночи очистилось от облачных наваждений и открылось мне темной высью во всей своей лучистой красоте ясности. И я мог только повторить – «спасибо, Отец», не зная, к родному ли человеку, к близкой

душе или к Творцу обращаюсь с благодарностью за обычное космическое диво, которым дарит нас Август.

2003

... остановился я на взгорке, там, где впервые увидел Змейкино озеро. Вспоминал, как тогда, осенью, в первый зарасайский год, оно тонуло в тумане и казалось «неба частицей». Так было и сейчас. Мне даже примстилось, что стихи еще не сочинены, что все еще впереди, что эта влага внизу еще будет нашим лесным обиталищем, обретет название, полюбится и навсегда западет в душу. Знаете, как бывает: вдруг глянешь на ведомое прошлое как на безвестное грядущее.

Твардовский когда-то заверял, что художественно невыраженная реальность – не совсем действительность. Не будь «Войны и мира» – и 1812 год был бы другой. А у меня не будь баллады о покраденной неба частице – не было бы этого местечка; было бы, конечно, но без имени – Змейкино Озеро – без эфира духовности, без присвоения его всей душой. Равнодушная природа просто продолжала бы сиять своей бессмертной красотой. А у меня когда-то строчка от одного графомана запала, чем, не знаю – «кому по грибы, а нам по сугробы». Какая-то интересная ритмическая лестничка. Сколь потом сам ни пробовал найти нечто такое; – не получается. Но это мои «грибы». Графоман нашел, а мне не попало. Может, найдется что другое.

Вчера ездили в места мне вовсе незнакомые. И все это вдаль от найденных троп, там, где Кащей свои сокро-

вища прячут. Какой-то былинный лес. И озеро на озере, едва ли не каскадом. Красота и сияние в рассветных лучах.

... Мальчуганы грибов набрали целый багажник и два ведра поверху. Конечно, это не отборный гриб, со свинушками, сыроегой, волнушкой, цыганками. Но в жаренке да солении – все сойдет. Но и белых с чалышами да обабочками тоже немало. Даже рыжиков, давно в этих краях повыведенных, и тех пару тарелочек наскреблось, как и маслят с моховиками. Нашли и фиолетовых курочек – что так любят французы, и пару таких поганок, что здесь «литовскими шницелями» кличут. На сливочном масле их жарят – ну что твоя яичница на вкус, и сытные. А такие, что я писал Вам – шилборовики, оказывается у русских называются «польский гриб», подберезовик. Он весьма част и в наших краях.

Те места, где мы побывали, хороши – ибо там все – слипшимися рощами и борами, то березник, то осинник, еловая рамень, сосновый борок, и просто все в веселой смеси. И каждое хорошо тем, что дарит своим грибом, так и собирается мешанная вкуснятина...

И опять в кабинете – включенная батарея и грибная Африка. И вновь бесшумный супец, грибная жаренка со сметаной, да свежий рыжик с лучком под подсолнечным маслом с избыточной солью. Такой ноне рацион. Тут бы и водочки к месту по давним временам. Но, видно, отпили мы свое. Не хочется уже. И так хорошо.

А к вечеру золотых линьков принесли да щучку. ... Рыбу мне жалко. Глядишь на мелкую чешуйку линия, такое глубокое свечение с патиной по краям – древняя бронза. Там потерга, здесь

ободрана – видно, как в сетке бился подводный витязь, как потом еще задыхался в целлофановом кульке, еще – не тот, так другой бронированным тельцем бьет в смертной конвульсии. Нет, это не по мне. Они из другой стихии, инопланетяне. А людишки их... ух!

Вот и все – красоты насмотрелся, в забытом мной костровище теперь для других саламандра живет, оставь только подпалинку, кто ни пройдет – на этом же местечке солнечную душу затеплит. Плотью земной отъелся, простор в сердце завел. Обабочки – подберезные детки – молоденькие, ночью снились. Глаза закроешь и видишь – хоть косою коси. Один к одному – шляпки в горлышко бутылки проходят.

У нас какое-то подобие бабьего лета. Не очень тепло, но солнышко. И грибы, грибы. Люди уже и моховиков не берут. Уж о выскочках и подберезничках и не говорю. Только боровики да лисички видят. За последние платят. Аж по 16 литов кило. А я вот всякий гриб люблю. В каждом своя прелесть. Особый дух, вкус и образ. Сын даже «рядовку» собирает, это такие фиолетовые курочки. Их тут не знают. А боровики так даже резать жалко. Целыми стайками. Один к другому прилепятся и стоят. Такие бывают – как три богатыря. И дух настоенный, древний, могучий. Откуда это берется? Ведь – молодняк, денек жизни всего. А веет тайной, былиной, бездной земной. Или моховики. Веселые семейки. Только и жизни – когда махонькие. Сами в руки просеются. А вот постареют – и сразу темные, бурые, никто не тронет,

не оглянется. Зряшный гриб. А чистить молоденьких – наслаждение: ножка, что морковина – сочная, чистенькая, ну, разве что через пяток минут синькой покроется, в местах пореза. Даже опята – на что уж побаиваюсь. А в руки возьмешь – казались хрупкими, ломкими, а ножка как можжевелевый корень, хоть узлы вяжи. Прочно держится. Поэтому ее под самую «юбочку» и режут, там мякоть, и «родильную рубашку», послед, соскребать легче. Можно было бы все это не трогать. Пусть растет, стареет, сыплет споры под мох. ...но ведь зачем-то такая Красота сотворена. Может, к тому, чтобы в руки проситься. Не хотят стареть, подгнивать, «грибиться», шляпкин оком кверху выгибать. К кому-то тянутся. Может, человеческая душа, как крепкий хрусткий груздок, тоже в своем расцвете Божьей длани просит, а я вот все волочу юный шлейф в отходящей уже жизни. Вот – мудрость. Она ведь никому и не нужна. Всяк все одно своим опытом пробиваться будет. Свою мысль лелеять. Своим листом прикрываться. Может, только для Духа – древнего, настоянного, верного, кто-то и достоин до старости. И должен додержаться, источенный червем, обглоданный улитками, птицей многожды клюнутый. Чтоб и молодое в этой ауре жило. В исчезающем лесу, даже на безгрибье, тонком грибном аромате. Не знаю. Не знаю. Люблю это все, и нарадоваться Дару жизни не могу.

Такими мыслями и пахнут грибы, и входят в плоть нашу, целят раны подосиновичным йодом, обновляют и себя, и наше бытие.

Вот и все осенние страдания. Страда – дань и «я».

2003

* * *

Хворал я, пока не съездили на Змейкино озеро. Ну а там дивеса были. ... Утки готовились к отлету, шум, гам, девичий переполох. Селезни летают над водой, бьют крыльями свое несущееся под ними отражение, брызги, хлопанье и свист крыл! Потом они улетели над просекой стаеваться. Молодые, неловкие. Я даже Мартынова вспомнил: «Эй, там – бессмысленно не вейтесь, равняйтесь там – к плечу плечо, На треугольники разбейтесь, Сложите что-нибудь еще!».

А тут на озере началось другое представление. Вышли плясать рыбы. Я

никогда подобного не видел. Будто бы на поверхность выбирались 33 богатыря или поднималось чудище озера Лох-Несс. Что с ними произошло – с рыбёнами – не знаю. Может, по мне соскучились? То ли решили в общем празднике поучаствовать, то ли от уток заразились весельем, или просто радовались, что озеро, наконец, покинули крикливые и непоседливые соседи, ... не знаю. Но картина была такой, что озеро кипело, искрилось, взрывалось миллионнократными всплесками, сверкало взлетающими дужками рыбок, и круги падений разбивались о круги взлетов. Боже, как я все это люблю! Вот посмотрел и пошли на убыль моя чахотка, усталость.

2004